

*Лизе,
моей прекрасной и бесстрашной невесте.
Спасибо, что зарабатываешь на жизнь
в нижнем белье, чтобы я мог
зарабатывать в своем.*

Глава 1

- **Н**^{ьеллос.}
— Неллус.
— Да нет же: Ньеллос.
- ...Нилус.
 - На конце четкое «о». Как «орки». Ньеллос.
 - Нилос.
 - Уже лучше. Только не «ни», а краткая «н». Ньелос.
 - Н-н... н-н-н... н-йелл-ос.
 - Не плюйся слогами. «Л» переходит в «о». Ньеллос.
 - ...
 - Давай еще.
 - Ньелос.
 - Почти правильно. «Л» нужно... подсечь. Там звук внутри звука. Ньеллос.
 - Ньеллос.
 - «Л» растяни.
 - Ньеллос.
 - Не забывай подсекать.
 - Ньеллос.
 - Тяни, а потом секи.
 - Ньеллос.
 - Забыла растянуть.
 - Ньеллос.
 - Забыла подсечь.

— ДА ПОШЛО ОНО НА КРИВОЙ СРАНЬЙ СВИНОЙ ХРЕН!

Блажка яростно швырнула осколок булыжника. Тот врезался в своих собратьев, лежавших в тачке, чем нарушил их равновесие. Груз опрокинулся. Мед попытался предотвратить падение, удержав тачку за рукоятки, и инстинктивно потянулся обеими руками. За левую рукоять он схватился, но правая только ударила его по культе, когда тачка накренилась. Блажка заметила, как ее наставник поморщился от боли и неловкости, пока спасался от небольшого обрушения, вызванного ее гневом.

Звуки работы разом смолкли — все взгляды обратились к источнику шума. Блажка рывкнула на ближайших к ним зевак.

— Бекир, Госсе! Сюда, помогите!

Названные сопляки бросились на ее зов, быстро и послушно, как молодые псы.

— Остальные — за работу! И осторожнее, мать вашу!

Рабочие на вершине огромной кучи породы переключили внимание на камни у себя под ногами и опасливо зашуршали лопатами.

Блажка выровняла тачку. Когда Госсе и Бекир затащили на нее выпавший булыжник, Блажка подошла к Меду и протяжно вздохнула.

— Мне жаль.

— Все нормально, вождь, — ответил он, не глядя ей в глаза. Он старался не показывать культю, баюкая ее здоровой рукой. Он солгал. И она это знала. Как знала и то, что, если бы она на него надавила, ему стало бы еще хуже. Он как-то сказал ей, что единственное, что может быть больше самой потери руки, — это вспоминать о том, что ее больше нет.

Они стояли молча, изнывая от жары. Утро было туманным, зной еще не начался. Потели они не от того, что светило в небе над головой, а от того, что курилось в камнях под ногами. Руины павшего Горнила до сих пор тлели. С разрушения великой крепости прошло больше года, но опрокинутые камни все еще извергали в небо черный дым.

Ублюдки пытались собрать годные камни бывшего дома и в первые недели после его разрушения, но обгоревшие об-

ломки были такими горячими, что ими можно было обжечься. И лишь когда минуло несколько месяцев, верхний слой остыл. Тем не менее собирать камни оставалось опасным занятием. Поселенцы и сопляки, определенные в рабочую бригаду на этот день, ковыляли по изломанной поверхности кургана, перебирали камни и медленно грузили тачки, которые ждали их у подножия груды обломков. Эти тачки затем увозили и выгружали на большие веревочные сети, которые тащила в Отрадную упряжка свинцов.

Пока Блажка наблюдала за работами, у нее взмокли плечи и спина, под рубашкой зудело, а сзади давили на нервы заплетенные косы. Она, выругавшись, собрала волосы в тугий узел и закрепила его повыше. В сотый раз с тех пор, как стала вождем, она подумала, не взять ли в руки ножницы. Но не делала этого, сама толком не зная почему — и зачем вообще их отрастила. Наверное, отмечала ими время своего руководства копытом. И возможно, ей просто нравилось быть собой и не хотелось возвращаться к иному.

Как бы то ни было, при такой жаре это тщеславие ее только бесило.

— Продолжим? — спросила она Меда.

— Думаю, мы достигли предела твоего терпения на сегодня, вождь.

На самом деле это означало, что Мед сам достиг предела терпения, но Блажка предпочла не произносить этого вслух. Заставлять его преподавать ей и так было тем еще издевательством. В наступившем молчании Мед наконец поднял глаза и одарил ее примирительной улыбкой.

— Эльфийский сложный, но у тебя все получится.

Блажка кивнула, стараясь не отводить глаза слишком быстро, но выдерживать взгляд Меда подолгу она не могла.

Черт.

Он еще слишком влюблен, чтобы быть хорошим наставником. Молчание казалось еще хуже жары — оно будто указывало пальцем на возрастающую неловкость.

Благо, Мед первым провел рукой по пышной полоске волос, тянувшейся у него поперек бритой по бокам головы, и отвернулся. Это эльфийское фиглярство некогда служило по-

водом для нескончаемых колкостей и насмешек со стороны других Ублюдков, но он выдерживал все издевки и носил прическу Рогов с той же легкостью, с какой говорил на их языке. Блажка понимала, как ей повезло, что у нее в копыте есть такой посвященный. Для нового вождя он остался столь же бесценен, каким был для старого.

И конечно, Ваятелю, чумному говнюку, не приходилось опасаться страстного поцелуя от подчиненного.

— Ладно, — проговорила Блажка со вздохом. — Тогда я вернусь к работе.

Мед кивнул.

Блажка, неторопливо подняв лопату, двинулась к горелым камням.

— Вождь?

Она остановилась и обернулась на Меда.

— Ты делаешь успехи.

Она фыркнула от смеха.

— С какой стати? Потому что уже почти могу сказать «спасибо» по-эльфийски?

Мед замялся.

— «Ньеллос» означает «убивать». И только в отношении мужского пола.

Блажка провела пыльной рукой по губам.

— Так что ты говоришь, я делаю?

— В этот раз ты хотя бы не пыталась сломать тачку. — Его улыбка была заразительной.

— Чудесно, нахрен, — проговорила Блажка со смехом, направившись к куче обломков.

Несколько мгновений она выбирала лучшую траекторию для подъема. Все, кто работал на развалинах Горнила, давно усвоили, что по куче надо ходить так, словно она кишит змеями. А благодаря внезапному шипению пара, выходящего промеж камней, усвоить это было несложно. Не удовлетворившись ни одной из кратчайших траекторий, Блажка направилась вдоль края, пока не нашла крепкий с виду ряд крупных бульжников. По ним она и взобралась, перепрыгивая с одного на другой, пока не достигла примерной вершины того, что прежде служило наружной стеной. Слева от нее, неподалеку,

цепочка жителей Отрадной передавала из рук в руки осколки сгоревшей крепости, спуская их с холма. Блажка предоставила эту менее тяжелую и менее опасную работу людям, а полукровкам приказала обшаривать руины, выкапывать наиболее ценные куски и вывозить их к цепочке.

В глубине всей этой разрухи она заметила Абрила: сопляк пытался сдвинуть огромную плиту рычагом. Он находился недалеко, но Блажке понадобилась целая вечность, чтобы до него добраться: ступать нужно было осторожно, только на носочках.

— Не стоит тебе делать это в одиночку, претендент.

Будь это Туро, или Петро, или еще кто-то из старших сопляков, близких к голосованию за вступление в братство, он продолжил бы мужественно бороться своим длинным стальным орудием, чтобы не проявить слабость или некомпетентность перед вождем. Но только не Абрил.

— Знаю, — ответил он, с облегчением выдохнув и немедленно прекратив попытки. — Я работал с Сенсом. Мы уже почти ее подняли, но она соскользнула и... — Он повернулся и сел на плиту, блестящие локоны свисали на его удрученное лицо, с них капал пот. Парень благоговейно потер камень. — Думаю, мы всегда сможем приходить сюда и навещать его.

Блажка скрестила руки на груди.

— Сенс пошел за помощью, да?

Абрил продолжил любовно поглаживать плиту.

— Пошел. Оставил меня искать сокровища в одиночку.

— Здесь нет сокровищ, Абрил.

Он с надеждой посмотрел на нее.

— А мое яблоко, которое я туда уронил?

Блажка фыркнула. Это было наименее вероятное предположение из всех. Она отложила лопату и жестом приказала ему встать и передать ей прут. Абрил, при всем своем шутовстве, был отнюдь не слабаком и обладал врожденной силой и внушительной мускулатурой полуорка на пороге взросления. Общими усилиями они приподняли плиту и сдвинули ее в сторону, обнаружив под ней кучу битых камней, которые вполне можно было перенести. Присев на корточки, Блажка

растопырила руку и коснулась ею только что открывшихся камней.

- Жара нет, — заметила она довольно.
- И яблочко тоже, — разочарованно услышала она сзади. Встав, она похлопала Абрила по плечу.
- Молодец, сопляк. Давай уже двигать его к цепочке.
- Точно, вождь.

Абрил отошел, чтобы положить прут, и один из камней скользнул у него под каблуком. Он воткнул стальное орудие в землю, чтобы не завалиться на спину, — сработал рефлекс.

В том месте, куда вошел прут, из земли вырвался поток воздуха.

Блажка успела среагировать — пригнулась и схватила молодого полукровка. Оба вскрикнули сначала от столкновения, а потом еще раз — когда упали на неровные камни. Крепко обхватив Абрила руками, Блажка перекатилась, когда наружу выплеснулся гейзер нефритового огня. Они избежали пламени, кувыркнувшись, и поднялись на колени. Блажка закрыла глаза от адского жара и выпустила воздух из легких. Аль-Унанский огонь выбился на волю, вырос колонной втрое выше ее. Сияющее изумрудное пламя, будто жидкое, разбрызгивалось по камням и продолжало гореть даже после того, как рухнула колонна.

Блажка слышала срывающийся голос Абрила, который призывал отступить, но не обращала на него внимания. Огонь — эта колдовская субстанция, вызвавшая падение Горнила и безумного полукровка, чей разум породил эту крепость, — ее завораживал. Даже стоя на коленях, ощущая, как неровные камни впиваются ей в плоть, Блажка осознала, что под ней гробница Ваятеля, а языки пламени — его надгробие.

«Гори в аду, мерзкий старый говнюк!»

— Вождь! Нужно уходить!

Пересиливая притягательность огня, Блажка принялась отползать прочь по-крабьи, не позволяя себе двигаться быстро. Торопиться было глупо. Ведь повсюду были скрытые карманы опасной, алчной субстанции, которые только и ждали обвала или неосторожного рабочего, который даст ей извергнуться. Если один загорится, остальные впадут в панику.

А топот бегущих ног, вероятно, пробудит пламя — этот урок был усвоен, и дорогой ценой.

Когда Блажка с Абрилом удрали, раздались предупредительные сигналы. Всем рабочим надлежало покинуть кучу. Блажка надеялась только, что они помнили: бегать здесь нельзя. Она чувствовала, что сама порывается инстинктивно броситься в бегство, зная, что все может взлететь на воздух в любой момент. Наконец они добрались до вала на месте обрушенной стены и стали спускаться по склону. Едва они коснулись ботинками земли, Блажка и Абрил ринулись прочь, присоединившись к группе с встревоженными лицами, которые собралась на расстоянии тренчального выстрела от развалин.

— Раненые есть? — спросила она, торопливо проходя мимо десятка сопляков и поселенцев. Ей отвечали, отрицательно качая головами или бормоча. Все были бледны и испуганы после внезапной пробежки, но никто не обгорел.

Мед подъехал на свине и явно испытал облегчение, когда его взгляд упал на Блажку.

— Потери есть? — спросила она.

Он покачал головой.

— Я всех объехал. Все спустились. Извержений тоже больше не было, насколько мне известно.

Хорошие новости, но работа на этот день, как и на ближайšie недели, была окончена. Карман должен прогореть. И даже если все закончится быстро, Блажка не могла пускать людей обратно к этому дремлющему зверю слишком рано. Нужно было время, чтобы исключить несчастные случаи. Новости о взрыве обязательно достигнут Отрадной, где один мужчина потерял ногу из-за огня, а у кожевника, тела которого даже не удалось найти, осталась жена с тремя детьми.

— Все, тут нам делать нечего, — объявила Блажка. — Мед, скажи остальным. Берем, что есть, и уходим.

Мед развернул Нихапсани, ткнул свина пятками и поехал собирать остальных.

Миля до Отрадной выдалась утомительной. Они ушли с кучи перед рассветом, а сейчас была только середина утра. Из трех упряжек, что они привели тянуть камни, полная сеть

была только у одной. Блажка шла пешком рядом с основной группой рабочих. Ездить в седле она предоставила соплякам, которым нужно было практиковаться.

Наконец, впереди показалась деревня.

Блажка всегда изумлялась тому, насколько чужой выглядела обнесенная частоколом Отрадная. Она здесь выросла, и пейзажи оливковых рощ и виноградников, украшавших заросли кустарника на окраинах деревни, служили фоном всех ее детских воспоминаний. Сейчас эти виноградники стояли засохшие, рощи пожрала саранча, и от деревни их отделяла прерывистая стена из бревен и камней, оставшихся от Горнила.

Сопляки-часовые увидели их и распахнули плачевного вида ворота. Когда группа рабочих вошла за частокол, Блажка размяла шею, хрустнув позвонками. Черт, день только начался, а она уже устала.

На главную улицу выбежал тощий сопляк с мотыгой поперек плеч. Завидев ее, юнец ускорил шаг.

— Не поздно ли копать, Тельч? — крикнула ему Блажка.

— Нет, вождь, — ответил сопляк, не останавливаясь. — У Хорька сломалась кирка. Он послал за новой.

— Тогда беги скорее, — поторопила его Блажка.

Молодой полуорк послушно выскочил за ворота.

Блажка повернулась к своей бригаде.

— Сопляки, идите вперед, доложите на ров Хорьку. Абрил! Не забудь, что тебе в патруль.

Старшие претенденты — все, кроме Абрила, — повернулись и последовали за Тельчиком. Жители Отрадной направились в глубь деревни. Блажка отпустила их и отправила Меда проследить за разгрузкой камня, который они привезли к дому каменщика.

— Подготовь нам свиню, — приказала она Абрилу.

Когда полукровка радостно побежал к хлевам, она зашагала к приюту.

Внутри было тихо, но не из-за хрупкого спокойствия спящих детей, — то была тишина, рожденная нуждой, от того, что малые дети уже много дней недоедали. Горстка найденышей не спала — они, будто замороженные, играли под столом.

Что бы это ни была за игра, выглядела она пугающе и совершенно непривычно. Никто не смеялся, не пищал от восторга и даже не кричал от возмущения — просто пятеро угрюмых детей, не старше четырех, коротали время. На соседних койках лежали их старшие товарищи, которые сном пытались бороться с голодными болями. Когда Блажка сама была ребенком, здесь никогда не было так тихо. Дети-полуорки вообще славились своим буйством.

Когда Блажка вошла в комнату, Метла отложила шитье в сторону, встала и подошла встретить ее у двери.

— Колючка спит, — сообщила она полусшепотом. — Один малыш всю ночь не давал ей уснуть.

Блажка понимающе кивнула и оглядела девушку. Метла служила наглядным свидетельством того, почему полукровки называли людей хилыми. Даже во времена достатка, когда Серые ублюдки были сильны, она всегда напоминала ивовую ветвь. Все в ней — волосы и руки, ноги и даже нос — было длинным и тонким.

— А ты? — спросила Блажка. — Все болеешь?

— Нет, — ответила девушка. — Перед рассветом жар спал. Я здорова.

По ее виду это едва ли можно было утверждать. Истощение отражалось на ее лице темными кругами под глазами.

— Тогда вернись, когда Колючка проснется.

Блажка направилась к выходу, и сироты уставились на нее из-под стола. На их лицах не было ничего, кроме душераздирающей маски безразличия.

Она вышла на северную окраину города. Большинство зданий, что она миновала, были пусты. Хотя посвященные братья высказывали притязания на некоторые из них, Блажка пресекла эти идеи, прежде чем те пустили корни. Она считала, что Ублюдкам надлежит жить всем вместе в доме винодела. Ей не нужно было, чтобы члены копыта разбредались по всей деревне, развлекаясь со своими койкогелками и теряя дисциплину.

Блажка приблизилась к месту, которое некогда считалось верхней окраиной поселения. Здесь частокол изгибался, чтобы захватить добрый кусок ровной земли. Чтобы обнести этот